

Из жизни Слов.

1989

Материю-гласных,-простроченных-ритмом,-
из-горла,-как-фокусник,-строчку-за-строчкой:-
цветные-лохмотья-друг-к-другу-пришиты-
на-нитку-живую,-но-держатся-прочно-
И-что-то-кричал-про-себя,-заикаясь-
Кадык-челноком-строчил-стихо-творенья-
Цветные-лохмотья-из-слов- развевались-
сигналами-бедствия-прямо-на-сцене.

23 Авг., 97

Закрою глаза и увижу во-очью
клубок голосов посреди пустоты.
В клубке копошатся кричащие клочья.
И собственный голос уже не найти.

Мой ум, ненадолго зашедший за разум,
вернулся с охапкой сияющих слов,
ещё не успевших оформиться в фразы.
Но сразу значение слов проросло.

В них рвались причинно-случайные связи,
с вещей осыпалась имён шелуха...
А я всё писал, наливаясь экстазом.
И это была голограмма стиха

1991

Под дикой развесиситой клюквой,
как будто покойники в ряд,
глаголов мохнатые буквы,
сцепившись слогами лежат.
И корчится подпись, как корень,
проросший сквозь буквы сорняк

с обугленным стеблем - Григорий,
а дальше обрублено - Марк!

13-14 Сент., 95

Как мост над одиночеством - стихи.
Жизнь превратилась в буквы на листочках,
в словах овеществлённые грехи
и рифмами остриженные строчки.

В чужую жизнь произнесённых слов
мой карандаш ныряет наудачу...
Я написал уже пятьсот стихов,
когда вдруг вспомнил, что писать не начал.

12 Апр., 97

Из пустоты Господь построил нас.
Из пустоты, в которой электроны,
запущенные Им во время оно,
ведут свой вечный хоровод сейчас.
И этому круженью электронов
Он дал почувствовать Себя?

Предметы - пальцами... чтоб вспомнить смог
первоначальные названия их...
И отпустив себя на рифмотёк,
писать, что на душу положит Бог -
объёмным, грубым шрифтом для слепых...

И наблюдать как текст, окаменев,
становится похож на горельеф.

Февр., 92

Сквозь мёртвой грамматики город
в крылатой упряжке спряжений
глаголы несутся, в которых
спрессован прообраз движенья.
И цокают в ночь окончанья
расплющенные удареньем.
С копыт их струится свеченье
на крыши разрушенных зданий.

И месяц зелёной дугою,
плывёт над упряжкой беззвучно.
Он тащит её за собою,
сквозь каменный город, сквозь тучи
въезжают, прижавшись друг к другу,
на небо с хрипеньем тяжёлым
силлабо-тоническим цугом
мои коренные глаголы.

27 Июня, 92

Слова мои - эки колонной по-трое -
шагают по мёртвой земле на работу.
А сбоку и сзади, как вохра, конвоем
казённые рифмы в тулупах добротных.

По сгорбленным спинам гуляют приклады:
„Шаг в сторону будет считаться побегом!“
Вдоль вышек с охраной, засыпанных снегом,
идут оцеплённые в строфы отряды.

Из месива сгорбленных спин, автоматов,
тулупов, сопенья, собачьего лая,
слезящихся глаз и хрипящего мата
порядок в движении слов возникает:

и ритмы сонетов в снегу отбивают
опухшие эки ногами из ваты.

Сент., 93

В Глаголандии поют колокола.

Блики плещутся в морщинистом канале.
Куполята, словно дети, к куполам
золотистыми затылками прижались.

Разгораются в Соборе Языка
образа Святой Грамматики и свечи.
Как бельишко на верёвке, облака
просыхают после стирки каждый вечер.

На базаре у собора тишь да гладь.
За прилавками Силлабы монотонно
предлагают по дешёвке благодать,
разливают алиллую по бидонам.

Над каналами поют колокола,
в небо тянутся молитвою весёлой.
В Глаголандии никто не держит зла:
его негде там держать среди Глаголов.

1986

Парк

Кириллица. Просторный прилизанный парк.
Заскорузлые буки и яти,
корнями проросшие в дикую почву,
прикрыты листками изящной словесности.
Возле входа слепой каллиграф-и-садовник
подбирает с благоговением
листы у подножья Великого Бука -
прародителя местной культуры.

В центре парка громоздкий дворец
Самодержца всея и прочая.
Лужайка с кустарником мелких стихов.
Наследник в матросской форме.
Фарфоровые обречённые глаза.
Велеречивый клеврет склонился над ухом.
Артритом сведённые пальцы
сжимают учебник теории зла.

По жёлтым, песочным аллеям гуляют
напудренные суффиксы,

перебрасывась снисходительно
оттенками здравого смысла.
Из крахмальных манжет торчат словари.
Вдоль аллей подстриженные деревья.
Каждый год они приносят плоды,
которые очень ценят гурманы.

Если долго идти по любой из аллей,
то очутишься вдруг в первобытном лесу.
Затравленные местоимения
бродят между коряг и корней.
Суеются и путаются под ногами
прилагательные, готовые на всё.
Каждый ищет предлог - показать себя.

27 Авг., 96

Блуждаю в романе, похожем на город,
где вывески словно названия главок,
где с бешеной скоростью мчатся сюжеты,
читателей сонных давя без разбора,
и носятся с воем герроев орравы,
цепляясь к сюжетам. Мелькают кастеты...

Издёрганный Автор в цилиндре и фраке
крадёт к Развязке с букетом известий,
прижатым к манишке. Он что-то бормочет.
И чёрная трость восклицательным знаком
в конце предложенья из чаплинских жестов
торчит из подтекста среди многоточий...

Блуждаю в романе, похожем на город...

14 Мая, 96

Пожилой Семиотик
в хитиновом френче,
генерал-адмирал
Грамматической Службы,
с ромбовидною Буквой
Закона в петлице

изучает секретную
прозу доносов.

Перед ним заключённый
Фальшивоцитатчик
ожидает с тоскою
начала допроса.
Корифей всех партийных
лингвистов с портрета
укоризненно смотрит
в плешивый затылок.

Два горбатых Ревнителя
Тайных Инструкций,
заложив волосатые
руки за спины,
наблюдают с пристрастием
за заключённым.
Волдыри орденов
воспалённо мерцают.

Вопросительный знак,
перевёрнутый кверху,
в потолке, словно крюк,
замурован надёжно.
Механизмы для вытяжки
ассоциаций
деловито шуршат
приводными ремнями.

Генерал-Семиотик
глаза поднимает.
Занесённые снегом
по крышу бараки
проплывают в зрачках
чёрнобелою лентой.
В кабинете повеяло
холодом лютым.

Словно коршун над тундрой,
кружит Семиотик,
кинокамерой ока
на плёнку снимая
трудовую колонию
для осуждённых

за хранение ложных
цитат и инструкций.

Раздуваются красные
тряпки на вышках.
У барачников толпятся
костлявые зэки.
Клочья липкого воздуха
с кожи сдирая,
матерятся и лепят
друг другу чернуху.
В медсанчасти покорно
хрипят доходяги,
крысы носятся между
железных кроватей,
дремлет фельдшер из вольных
у печки остывшей...
И сливаются лица
живых и умерших.

Телефонный звонок.
Обрывается плёнка
у начальства в зрачках,
и Фальшивоцитатчик
обречённо садится
на стул перед лампой.
Два Ревнителя к стулу
подходят вплотную.

Начинают допрос...

25 Ноября, 96

Колченогое слово Закон
по паркету шагало устало
наискось, словно шахматный слон,
и подошвами факты топтало.

А под лампой сидело Сидело
и, прикинувшись шлангом, дрожало,
изогнув в три погибели тело.
И погибель четвёртая вяло
бормотала, во тьме притаясь.
А Закон всё шагало и умело

зачищал лезвиями лампас
оголённую душу Сидело.
И катались корявые крики
на паркетном полу между ног,
каждый крик превращался в улику:
государство вело диалог
с гражданином...

9-16 Сент., 96

Вылезают из книг человекостихи.
В них кавычки - крючки оперенья двойного -
ощетинясь, торчат возле каждого слова.

Восклицательных знаков дубинки в сухих
перепончатых лапах зажаты сурово.

Человекостихи голоса не попадут.
Полукругом садятся на корточки, быстро
разжигают костёр. Пляшут острые искры.

Головешки обугленных строчек трещат,
отражаясь всё ярче в зрачках студенистых.

Нарастает гудящий молитвенный звук.
И Святая Грамматика в огненной славе,
из костра возникая, становится явью.

В ночь струится кириллица с поднятых рук -
отпущенье грехов человечкам плюгавым.

Перевитые искрами гимны звенят.
И метафорой Божьей, ожившей в народе,
пресвятая Грамматика к небу восходит,
превращаясь в далёкую точку огня.

6-7 Ноября, 96

Я...
ТТТ

Три Твёрдые Точные „Т“ -
тот мост, по которому „Я“
с частицей живого огня
шагает назад в пустоте.

Вращается нимба кольцо,
над лысиной тихо гудя.
Тяжёлые нити дождя
ему оплетают лицо.

Но красный живой огонёк
не гаснет в дожде проливном.
И глухо шумит под мостом
просодии мощный поток.

С другой стороны тишины,
из праязыковых болот
процессия гласных ползёт
на кладбище следом за ним.

Лежат там в скитах на холме
нетленные мощи святых
букв - Ижицы, Яти, Фиты-
и свет источают во тьме.

Вот „Я“, приносящий огонь,
подходит к подножью холма,
читает начало псалма
и в ночь поднимает ладонь.

Проходит двенадцать минут.
Стихает просодии звук.
И гласные строятся в круг,
бормочут молитвы и ждут,

что чудо свершится для них,
и мясом начнут обрастать
Фита, за ней Ижица, Ять,
восстанут из склепов своих...

10 -11 Мая, 98

И мне примнилось: кто-то ушлый
у двери мнётся, наострив,

как кошка, ушки на макушке.
Течёт слюной речитатив,
в зубах фонемы нежной тушка.
И этот ушлый - важный очень,
и он на мне сосредоточен.
А, может, это А.С. Пушкин?
А, может, Лермонтов М.Ю.?
Он, гениальной головой
качая, мнётся и мычит.
Он хочет в жизнь войти мою -
метафорой стиха живой
войти в битком набитый быт...
Но я ему не отворю.

Февр. 98

Скособочились домики строф
посредине листа, и пророс
дым из труб в пелену облаков.
Свет горит, но не видно жильцов...
Только тощий, ободранный пёс
с визгом носится между домов...

Многоточье в бумажных полях,
как собачья моча на снегу -
ведь для бешеного кобеля
даже сто километров не круг...
лишь бы только оставить свой след,
лишь бы кто-нибудь принял всерьёз...

Если в этом и есть - весь ответ,
то какой на него был вопрос?

29-30 Марта, 97

Обрывок Сценария.

Поздний вечер. Палата для ума-лишённых.
Стих в пижаме, расшитой славянской вязью.
Крупным планом - заноза в мозгу воспалённом.
Мозжечок, размноженный вселенской смазью.

В среднем ухе его чей-то маленький голос
лихорадочно нижет на рифму цитаты.
Бьётся птица в окне. Стая чёртиков голых
вылезает из тумбочки возле кровати.

Псих в пижаме от боли привычно звереет.
Ключья шерсти растут из его подбородка.
Входит Врач Филологии, весь в панацеях.
Осторожно, боясь расплескать в себе водку,
изучает клиента. С трудом ухмыльнулся.
Из рта на паркет летит жёлтая пена.
По хорею проверив мерцание пульса,
метаморфий вливает в Стиха внутривенно.

Литсестра ассистирует при процедуре.
Мельтешат в худосочных руках инструменты.
Филоложный целитель, брезгливо прищурясь,
острым взглядом проводит в лице пациента,
словно бритвой, крест-накрест, две линии-шрамы
и уходит в себя. На железной кровати
Стихопсих приутих. Сквозь оконную раму
Люстра звёздная плавно всплывает в палату

для умалишённых от литературы.

9-11 Июня, 97

ТЕМА

Сначала бормотать, вживаясь в образ...
Ну что-нибудь о воспалении духа.
О человечке в зеркале с недоброй
ухмылкой от уха и до уха.

Потом добавить несколько деталей
но подчеркнуть при этом их условность:
лица - овал, нос - по диагонали,
две радуги на месте дуг надбровных.

Теперь катарсис третьего катрена.
С бесшумным взрывом в зеркале напротив
лицо развоплощается!... На сцене

шевелится комочек позолоты:

стриптиз исповедальный, танец гномов -
души с незарубцованною плотью.
Есть в нём разоблачение приёма,
срывание метафорных лохмотьев.

Дать этот танец как основу текста -
сплошную копошащуюся массу,
где налезает друг на друга жесты
на красной сцене, высеченной в мясе.

(Пропустим здесь четыре смутных строчки -
их смысл восстановить уж нет надежды -
ведь мой король одет и под одеждой.
Я просто вместо них поставлю точки.)

.....

...и темой одиночества двойного,
вступающею мощно к эпилогу
как контрапункт к иронии дешёвой,
закончить,
отстраняясь понемногу.

Янв., 98

Огород неизящной словесности. Пучатся
в унавоженной почве плоды просвещения.
Посредине торчит этот стих мой как чучело,
чтоб пугать любопытных. Метафор свечение
завываньем волков за забором озвучено.

Огородоблюститель, от старости скрюченный,
ядовитые буквицы рвёт с наслаждением,
копошатся в разинутом рту заклинания...
Терпеливые хищники с красными рожами
наблюдают блюстителя на расстоянии.

Ночь пропитана тленьем насквозь... Для чего же я
снова вытащил эту картинку из памяти?
Для чего я полез со своими стихами-то

да в чужой огород, где на грядках разложены
тени тех, кого нет?... И увешанный знаками
крючковатых вопросов, клочками бессонницы,
я здесь жду, по колено в земле унавоженной,
что Господь Авраама, Исаака, Иакова
до бедра моего, наконец-то, дотронется?

21-23 Марта, 98

Комментарий к ещё
ненаписанной книге,
где, в суконной материи
русского текста
с подоплёкою красной,
Герой Многоликий
задыхается, не
находя себе места.

А в полях собирают
цветы командиры.
Напевая похабные
песни сквозь зубы,
прижимают букеты
к хрустящим мундирам
и вздыхают задумчиво:
„любит? - не любит?“

Баянист с чувашинной
мордвою эвенков
по дороге разрытой
шагает вприплясок,
на стегно положив
две руки вздоровенных.
И несут хлеб да соль
люди разных заквасок.

На пригорке стоит
землепашец могучий.
Борода гладит ветер.
Плывут поцелуи
из пунцового рта
и взрываются в тучах.
Упыри над его

головой озоруют...

В чёрной щёлочке между
рождением и смертью
Многоликий зрачками
беспомощно вертит,
с головы его фразы
свисают как слизи...

Комментарий к ещё
незаконченной жизни-
пояснение в виде
лубочных картинок,
для наглядности собранных
здесь воедино.

8 Дек., 92

Отменятина об ИсавЯкове

От Григория Марка - бумагомаракки -
спозапьянку, на смыслогранице юродства
стих - Григорию Либидоносцу - на фене!
Сублимась в анапестах, Исавовы знаки -
мудалых, долбоятельных фраз мельтешенье -
виршевичной похлёбкою за словородство.

5-10 Апр., 92

Пьеса в Трёх Парах.

Вся сцена в актёрах: три пары в гостиной.
Панталык с Ахинеей в веночках из лавра,
на диване сопят Людодей с Инсультиной,
а в углу перепутались Абра с Кадавром.

Панталык гы!гымонится матерно,
Ахинейя трендит похабельками.
Ухайдакались и телебенькают,
до отвала наевшись мыслятины.

Сцепившись болталами, Абра с Кадавром
нетленку гундосят, гугниво елозя,
как либидоносные спермотазавры
в оргазмообразном апофигеозе.

С Инсультинкой своей гулеванит
бедокур-Людодей чернокуррый.
Пишет ижицу ей на диване,
забуровившись в хлам поллитурой.

Входит Некто. Обводит разнузданным взглядом
присмирившую публику, басом ик!кает.
Надевает пенснуху и тихо читает
со значительной минной шифровку из Ада.

Это длится минуту, и сцена пустеет.
Исчезают оргазмообразная Абра,
Панталык, ухайдаканная Ахиня,
пристихованный к Абре либидный Кадаврик...

Темнота поглощает актёров в гостиной.

24 Авг.-1 Сент., 93

Слово о „Слове“.

Недозаумь на смыслопогранке:
аще Слово хотяще творити,
запендюришь с оттяжкой полбанки
и начнёшь свое песнесоитье,
да чернуху залепишь сразмаху
лживотворно, чай не по-Бояньи,
громку славу себе рокотаху
ежесловенным совокупаньем.

Растекашется зелье по чреву,
бррзья кони заржут за Сулою,
зело Ярая Славная дева,
аки зигзица, в облацы взмоет.
И в поход покундѣхает войско,
в половецкую русскую землю.
Будут биться Буй-Туры геройски,

но и Бесовы Дети не дремлют.

Ох нелепо, не лепо ведь, братья,
ради чти да проклятых половчих,
забуйтурясь войну начинати.
Ить потопчут хоробрых, потопчут!
Громомолнии в тучя заблещут,
красной кровью набухнет Каяла,
солнце тьмою затмится зловещей,
и поляжет поганых немало.

Будут волцы грызть русские кости,
в дольнем Киеве жонки завоют,
половню станут клясть да чехвостить,
И бояре зальют ретивое.
Да по цркъвам костистые девкы
закричат про замызганный грязью
пресвященный хорюговь на древке
в половецком плену, купно с Князем.

В дребадан накумысятся гады,
Князь забудется смертной истомой.
Но вотще их смердящая радость -
Инда сокола унасекомишь?
Ить уйдёт Святослаич на волю,
между спящих поганых прокравшись...
И зарыщут зверьём в чистом поле
Гза-Кончак несолонохлебавши.

Яр-Буй-Тур, пестер-кречете-сокол
Игорь-свет побежит горностаем,
белым гоголем в реках глубоких,
шизым волцем в степи поскакает.
Прискакает на Русь, величаво
головою воссядет на плечи.
Всем князьям Святослаичам - слава!
и - хана хановьям полувечьим!

Эту летопись славы и горя
записал во Бояново имя
озорующий старец Григорий,
словесами, однако, своими.

Июль , 98

Двухстворчатый домик Хореев
раскроет дощатые двери,
и выпорхнет птица колибри,
как стих с перебитым крылом.
В сияющем клюве эпитафия
повиснет вверху над листом,
усыпанном густо значками.
И, если всмотреться, то в нём
услышишь, как звук возникает-
как, старческими голосами
друг друга касаясь едва,
нестройно псалмы распевают
и молятся Слову слова.

[На Предыдущую Страницу](#)